

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.051-064
УДК 903.4

М. Файер*, Е. Фолтын, Я.М. Вага*

**Силезский университет, Польша
University of Silesia, Będzinska 60, 41–200 Sosnowiec, Poland
E-mail: maria.fajer@us.edu.pl, wagajan@wp.pl
E-mail: efolty@o2.pl*

РАЗЛИЧНЫЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В КУЛЬТУРАХ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ МОРАВСКИХ ВОРОТ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА)

В статье на материалах 94 стоянок рассматривается один из этапов развития палеолитических поселений носителей богуньской, селетской, ориньякской и граветтской культур на территории, расположенной к северу от Моравских Ворот. Реконструируются различные способы освоения окружающей среды указанным населением. Местоположение стоянок изучается в связи с особенностями климата и рельефа, высотой над уровнем моря, близостью рек, наличием каменного сырья, биологических ресурсов. Отмечены сходство представителей культур в выборе мест для своих поселений и различия в размещении отдельных стоянок и использовании занимаемой территории. Прослежено, что наиболее консервативный подход к использованию возможностей окружающей среды характерен для богуньских популяций. Богуньские поселения создавались в основном на юго-восточном, восточном и южном склонах, на высоте 205,5–310,0 м над ур. м. Носители ориньякской и граветтской культур предпочитали селиться в зонах с разнообразным рельефом, в т.ч. в горной местности. Стоянки ориньякского населения располагались в горах на северных склонах, как правило, на высоте 205–378 м над ур. м. Граветтские популяции селились чаще всего в низинах на южных склонах или террасах, на высоте 220–286 м над ур. м. Для селетской культуры характерны поселенческие комплексы с центральной стоянкой на возвышенности. Стоянки создавались в низинах на склонах, обращенных на север и юго-запад, преимущественно на высоте 217–316 м над ур. м. Установлены виды деятельности носителей рассматриваемых культур.

Ключевые слова: верхний палеолит, поселение, ландшафтные зоны, Южная Польша.

M. Fajer*, E. Foltyn, and J.M. Waga*

**University of Silesia, Będzinska 60, 41–200 Sosnowiec, Poland
E-mail: maria.fajer@us.edu.pl, wagajan@wp.pl
E-mail: efolty@o2.pl*

DIFFERENT MODELS OF SETTLEMENT OF THE UPPER PALEOLITHIC CULTURES IN THE NORTHERN FORELAND OF THE MORAVIAN GATE (CENTRAL EUROPE)

Based on 94 sites of the Bohunician, Szeletian, Aurignacian, and Gravettian cultures, marking the Neanderthal to Homo sapiens transition, stages in the evolution of the Paleolithic settlement north of the Moravian Gate are described with special reference to environmental adaptation. Relevant factors include climate, relief, altitude, proximity of water sources, availability of lithic raw material and floral and faunal resources as well as the socio-cultural level of the respective groups. While being similar in terms of habitat choice, these cultures differed in placement of sites and the exploitation of resources. The most conservative style of exploiting the environment is evidenced by Bohunician sites, which are mostly situated on the southeastern, eastern, and southern slopes, 205.5–310.0 m asl. The typical feature of Szeletian sites is central placement on elevations; they are situated in lowland slopes facing north and southwest, mostly at 217–316 m asl. Areas preferred by Aurignacians and Gravettians were larger, with diverse, often rugged terrains. Aurignacians preferred northern mountain slopes, 205–378 m asl. Gravettians settled mostly in lowlands, on southern slopes and terraces, 220–286 m asl. This territorial expansion testifies to growing opportunities caused by higher socio-cultural potential, enabling people to inhabit formerly uninhabited zones.

Keywords: Upper Paleolithic, settlement, landscape zones, southern Poland.

Введение

История северных предгорий Моравских Ворот в период интерпленигляциала определялась бытованием богуницкой, селетской, ориньянской и граветтской культур, носители которых мигрировали сюда с юга. В то время рассматриваемый регион был северной окраиной ойкумены. Исследование подобных территорий позволяет выявить особенности первых доисторических поселений в периферических зонах и даже некоторые элементы психомоторного портрета участников процесса заселения. Источниками знаний об их культурах являются разрозненные артефакты, найденные на поверхности. Количество памятников с четкой или реконструируемой стратиграфией незначительно. Поэтому общее представление о заселении данного региона складывается на основе материалов стоянок разных периодов. Оно может быть не полным ввиду различий в степени изученности остатков поселений в разных частях территории. Основные ареалы поселений с наибольшим информационным потенциалом концентрируются на Глубчицком плато.

Чтобы представить поселенческие стратегии обитателей региона в указанный период, необходимо рассмотреть пространственный, структурный, функциональный, природный и морфологический контекст объектов. В северных предгорьях Моравских Ворот, по сути, верхнепалеолитические поселения никогда комплексно не исследовались с целью определения взаимосвязи между ландшафтными условиями и человеческой деятельностью. В ходе проводившихся изысканий описывались отдельные памятники или группы местонахождений на фоне их непосредственного окружения.

Район исследования

В северных предгорьях Моравских Ворот в рельефе различаются три пояса (рис. 1). В горных массивах

Карпат и Судет с запада на восток прослеживаются предгорья, возвышенные равнины с лессовым покрытием, плато с флювиогляциальными отложениями и моренные высокие равнины. Формирование ареала этих отложений происходило под значительным влиянием Одерского ледяного щита и талых вод при его сокращении. В последующие периоды большее значение имели флювиальные и эоловые процессы [Geomorfologia Polski..., 1972].

Горы и предгорья. В горных массивах Бескиды и Восточные Судеты можно выделить рельеф трех морфологических типов: средневысотные горы, предгорья, внутригорные впадины и дно долин. Вершины Бескидских и Судетских гор переходят в крутые склоны, которые образуют борта долины. Долины зачастую имеют равновесный продольный профиль и каменистые борта. Силезское предгорье формирует нижнюю часть Бескидских гор. В его морфологии выделяется пояс холмов шириной 5–15 км, который поднимается на 300–500 м над ур. м., он расчленен долинами рек Олше, Висла и Сола. Северная граница предгорья представляет собой крутой склон высотой 30–50 м.

Прикарпатские впадины. Широкая впадина Рацибуж-Освенцим простирается между Силезским предгорьем и Силезско-Краковской возвышенностью. В южной части впадины находятся околкарпатские высокие холмистые равнины, достигающие высоты 280–300 м над ур. м., а в северной части располагаются чуть более низкие (200–260 м над ур. м.) возвышенные равнины. Посередине между ними находится Рыбниковское плато.

Присудетская территория. Рельеф присудетской территории аналогичен рельефу Прикарпатской впадины. Различие заключается в том, что в присудетской области существует террасовидный увал высотой 200–310 м над ур. м, который врезается в плоский ландшафт Силезской низменности. Около городов Ныса и Отмухув рельеф разнообразится холмами, возникшими при таянии ледяного щита одной из фаз Одерского оледенения. Между крутыми склонами плато и высокими равнинами, расположенными на высоте 50 м над глубокими речными долинами, – повсюду встречается «валунный» ландшафт.

Возвышенности. Морфология Силезско-Краковской возвышенности характеризуется чередованием нагорий и низменностей. Нагорья, особенно Хелмский массив (400 м над ур. м.) и Ченстоховская возвышенность (300–500 м над ур. м.), четко прослеживаются в морфологии рельефа.

Рис. 1. Ландшафтные зоны в районе исследований.
1 – горы; 2 – возвышенности; 3 – низменности; 4 – впадины.

Методы исследования

Изучалась связь между расположением верхнепалеолитических стоянок в северной части предгорий Моравских Ворот и отдельными элементами ландшафта. Ландшафтные зоны в северных предгорьях Моравских Ворот были разграничены по методу, аналогичному методу И. Свободы [Svoboda et al., 2009]. При разграничении и классификации зон учитывались высоты, морфология и происхождение форм рельефа. Классификация ландшафтных зон произведена с учетом принципа деления на геоморфологические блоки, предложенного М. Климашевским [Geomorfologia Polski..., 1972]. Зоны классифицированы следующим образом: А – горы; В1 – предгорья; В2 – возвышенности; С1 – плато; С2 – более высокие равнины; С3 – менее высокие равнины и высокие террасы; D – холмы (моренные и камы); Е – первичные долины стока и речные долины.

Участки земной поверхности, поднимающиеся более чем на 1 500 м над ур. м., рассматривались как среднегорные, а на ок. 500 м над ур. м. – как низкогорные. Оба этих морфометрических типа рельефа достигают 300 м относительной высоты (над окружающей местностью).

Затем исследовались зоны поселенческой и хозяйственной активности носителей богунницкой, селетской, ориньякской и граветтской культур в тесной взаимосвязи с ландшафтными зонами, в которых они размещались, а также местоположение стоянок в связи с формой рельефа, высотой над уровнем моря и близостью гидрографической сети. Порядок потока определялся по методу Хака [Hack, 1957] с использованием топографических карт масштаба 1 : 25 000 и 1 : 10 000. Были проанализированы материалы 94 стоянок (рис. 2, 3); большая часть объектов открыта ранее и уже описана в литературе, и лишь несколько стоянок обнаружены недавно.

Стратегии жизнеобеспечения в верхнепалеолитических культурах: результаты и обсуждение

Богунницкая культура

Площадь ареала богунницкой культуры составляет свыше 104,5 км², но, если не брать в расчет территорию малоизученного района Рыбник-Грабовня 3, она сокращается до 53,3 км². Ареал богунницкой культуры, по-видимому, ограничивается зонами С1, С2 и в меньшей степени С3 (см. рис. 2, а). Носители культуры, перемещавшиеся в границах обозначенной

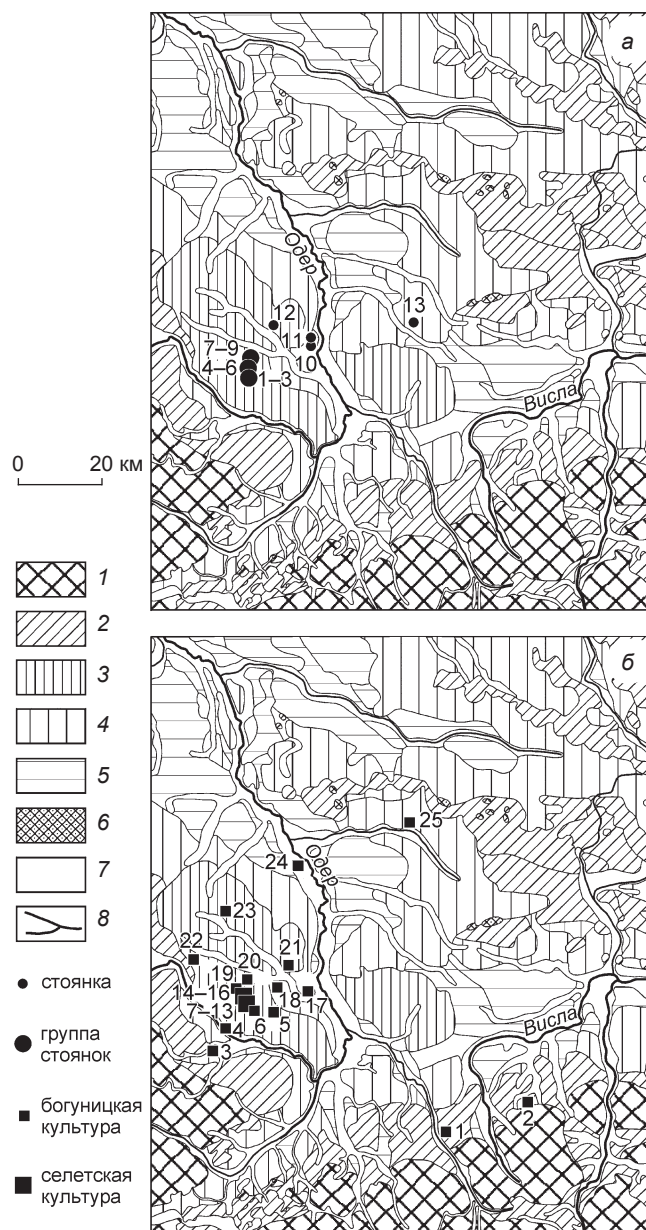

Рис. 2. Расположение богунницких (а) и селетских (б) стоянок в ландшафтных зонах.

Ландшафтные зоны (расшифровку буквенных обозн. см. в тексте): 1 – А; 2 – В1 + В2; 3 – С1; 4 – С2; 5 – С3; 6 – D; 7 – Е; 8 – реки.

Богунницкие стоянки: 1–3 – Розумице 16, 32, 36; 4–6 – Дзержислав 1, 4, 8; 7–9 – Кетш 4, 7, 10; 10 – Рацибуж-Студзенна 12; 11 – Рацибуж-Ощице 10; 12 – Макув 15; 13 – Рыбник-Грабовня 3.

Селетские стоянки: 1 – Цешин 1; 2 – Явоже 8а; 3 – Отице; 4 – Опава-Пальханец, 5 – Хухельна; 6 – Гневошице; 7–11 – Розумице 5, 26, 22, 17, 4; 12 – Пильц 63; 13 – Розумице 33; 14, 15 – Дзержислав 1, 3; 16 – Трэббом; 17 – Беньковице; 18 – Самборовице 2а; 19 – Люботынь 11; 20 – Кетш 3; 21 – Цыпшанув 3; 22 – Левице 1; 23 – Бабице 8; 24 – Цисек 6; 25 – Дзержно 6.

области, вели почти оседлый образ жизни. Группа поселений обнаружена у слияния ручья Розумицкий и р. Моравка, а также на Глубицком плато в среднем течении р. Псина (Дзержислав 1, 8 и Дзержислав 4/

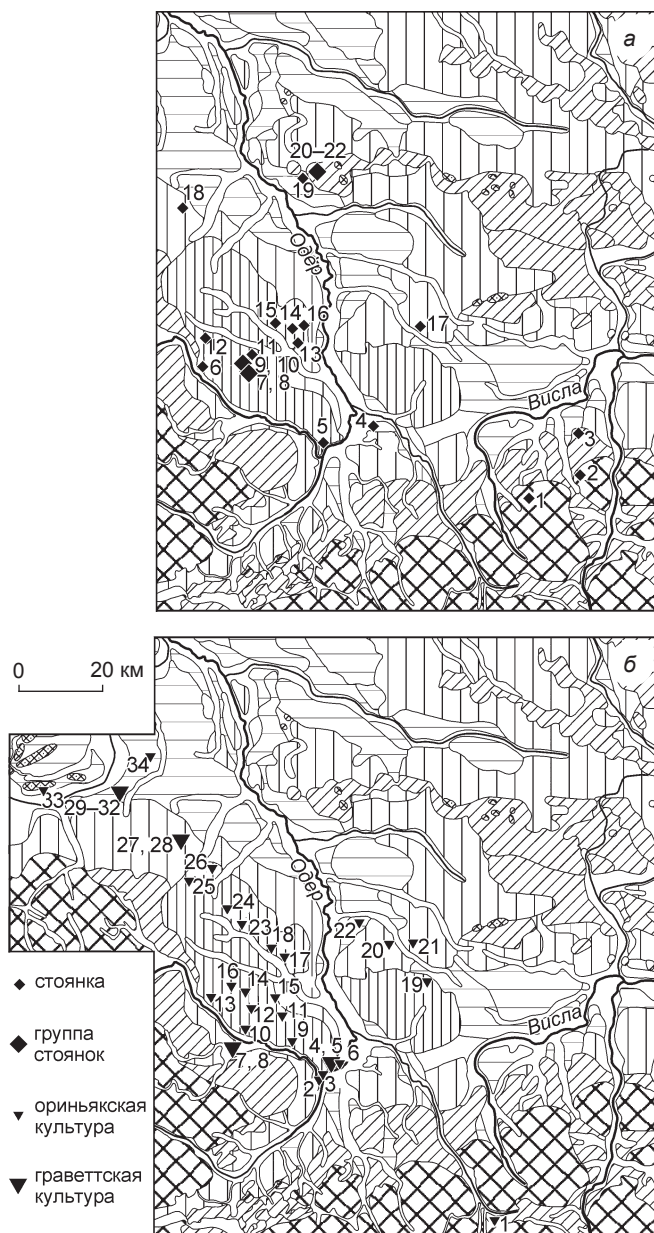

Рис. 3. Расположение ориньякских (а) и граветтских (б) стоянок в ландшафтных зонах (обозн. ландшафтных зон см. на рис. 2).

Ориньякские стоянки: 1 – Явоже Остры; 2 – Бельско-Бяла Чупель; 3 – Бествина 8; 4 – Бохумин-Забляти III; 5 – Острава-Гошталковице I; 6 – Бранице; 7, 8 – Дзержислав 2, 79; 9, 10 – Люботынь 1, 11; 11 – Кетш 2; 12 – Зубжице Н; 13 – Петровице Вельке 4b; 14 – Корнице 11; 15 – Макув 12; 16 – Рацибуж-Медоня; 17 – Рыбник-Велёполе Б; 18 – Смич 18; 19 – Закшув 41; 20 – Лигота Дольна; 21, 22 – Высока 57, 4. Граветтские стоянки: 1 – Истебна 7; 2, 3 – Острава-Гошталковице I, II; 4–6 – Острава-Петршковице II, III, I; 7, 8 – Опава I, II; 9 – Козмице; 10 – Опава-Катержинский; 11 – Хухельна; 12 – Дзержислав 79; 13 – Боболюшки 2; 14 – Розумице 3; 15 – Петрашин 18; 16 – Хрусьцелов 2; 17 – Цыпшанув 1; 18 – Макув Z3; 19 – Рыбник-Готартковице Ж; 20 – Рыбник-Стодолы С; 21 – Рыбник-Голеюв С; 22 – Руда Козельская; 23 – Баборув 7; 24 – Дебжица 1; 25 – Поможовице 17; 26 – Шонув; 27, 28 – Смич 6, 18; 29–32 – Домашковице 6, 16, 17, 38; 33 – Вуйцице 1; 34 – Совин.

Трэбом; табл. 1). Только Рацибуж-Студзенна 12 и Рацибуж-Оцице, которые являлись своеобразными укреплениями в долине Одера, находились за пределами этой территории. Максимальное расстояние между стоянками не превышает 14 км, а минимальное составляет 0,55–0,60 км. Ареал богуньской культуры не выходит за пределы зоны распространения роговиков, т.е. за пределы нагорья Драхан и юго-западных территорий у Брно [Oliva, 2002; Svoboda, 2006a, b].

Стоянка Дзержислав 1 (нижний уровень) сочетала функции долговременной стоянки, временного лагеря, а также места для охоты и обработки добычи, где выполнялись основные виды деятельности, такие как приготовление пищи, изготовление и ремонт орудий, обработка кости и дерева, дубление шкур животных. Производственные площадки располагались вокруг небольших озер в аласах, которые представляли собой неглубокие резервуары с «технической» водой [Fajer et al., 2005]. Дзержислав 1, возможно, был базовым лагерем для относительно небольшого хозяйственного комплекса. Жилой лагерь и мастерская Дзержислав 8 и Дзержислав 4/Трэб-бом (табл. 1) расположены рядом. Базовый лагерь с маленькими лагерями, находящимися рядом, – типичная модель поселений носителей богуньской культуры [Svoboda, Ložek, Vlček, 1996].

На территориях временных лагерей, охотничьих стоянок, специальных лагерей для отдыха, мастерских по обработке кремня и в местах забоя животных обнаружены артефакты, включающие немногочисленные наконечники [Kozłowski, 2000; Foltyn, 2003]. В мастерских, возможно, обрабатывалась охотничья добыча и изготавливались орудия. Обнаруженные на стоянках Дзержислав 1, 8 и Макув 15 драханские кварцитовые пренуклеусы связывают памятники с местом добычи каменного сырья в Ондратице и, возможно, с самой стоянкой Ондратице, которая являлась начальной точкой в продвижении человека в северные предгорья Моравских Ворот. Некоторая доля артефактов из верхнесилезского кремня в инвентаре стоянки Ондратице 1 [Oliva, 1995] подтверждает это предположение. Однако, судя по малочисленности изделий из этого сырья на моравских стоянках [Kozłowski, 1991; Svoboda, 1999], миграция человека к северу от Моравских Ворот, скорее всего, не была связана с поиском источников кремня. Кварцитовые пренуклеусы без следов обработки были оставлены после создания лагеря; возможно, они являлись резервом, необходимость в котором отпала после обнаружения местных источников верхнесилезского кремня [Foltyn, 2003]. Обитатели Моравского региона,

Таблица 1. Характеристики отдельных археологических объектов

Памятник	Тип памятника	Местоположение			Артефакты, %								Источники		
		Высота над уровнем моря, м	Относительная высота, м	Элемент рельефа	Экспозиция	Преформы	Нуклеусы	Отщепы и обломки	Пластины	Резцовые скопы	Орудия	Отбойники		Макролиты	Отходы производства
Болгуницы	Держислав 1 (нижний ур-вень)	282,5–284,0	60	Холм, между-речье	Ю	–	3,3	67,6	13,2	–	9,3	0,3	–	6,3	Foltyn, Kozłowski, 2003; Fajer et al., 2005
	Держислав 8	287	35	Край плато	ЮВ	2,5	11,2	50,5	20,6	–	10,7	0,2	–	4,3	Foltyn, 2003
	Держислав 4/Трзбон	270	45	Склон холма	В	–	5,5	52	19,2	–	8,2	1,4	–	13,7	Ibid.
Сенет	Держислав 1 (верхний ур-вень)	288,4	53	Вершина холма	–	–	7,5	58,3	12,8	–	12,1	1,3	–	8,0	Kozłowski, 1964a, 2000; Foltyn, 2003
	Очице	310,7	50	Холм, между-речье	С	–	7	45,4	2,7	–	36,2	2,2	–	6,5	Klima, 1974; Foltyn, 2003
	Самборовице 2a	230	25	Склон борта до-лины	С	1	6,2	37,2	10,3	–	33,5	1	–	10,8	Foltyn, 2003
Ориньяк	Люботын 1	307,3	67	Верхний склон холма, между-речье	З	–	16,3	71,5	3,1	–	9,1	3,4	–	–	Kozłowski, 1964a
	Люботын 11	309,8	69	Вершина холма, междуречье	–	3,3	28,2	43,6	5	–	8,3	1,8	–	8,3	Ibid.; Foltyn, 2003
	Высока 57	345–348	~100	Край геоморфо-логического вы-ступа	СЗ	–	3,0	63	13,4	1,8	13,7	–	–	5,1	Masołć, Bronowicki, 2003
	Острава-Гоштал-ковице I	248–249	45–50	Вершина остаточ-ного холма	СВ	–	24,4	36,3	13,8	–	16,2	–	–	9,3	Neruda, 1997
Граветт	Острава-Петр-шковице I	248	50	То же	»	–	1,5	30	15,3	0,8	5,1	–	0,7	46,6	Klima, 1955; Petřkovicová, 2008
	Острава-Петр-шковице II	230–245	25–40	Склон борта до-лины	ЮВ	–	3,1	–	84,6	–	12,3	–	–	–	Klima, 1969
	Вуйцице	230–233	30	Моренный холм, подножие	»	–	2,5	–	89,5	–	8	–	–	–	Dagnan, Ginter, 1970
	Кыржанов 1	210–215	20	Склон борта до-лины	ЮЗ	3,2	2,4	82,9	6	–	3,1	–	–	2,4	Kozłowski, 1964a

возможно, случайно обнаружили куски верхнесилезского кремня во время охоты [Kozłowski, 1972/1973]. Предположение о миграции человека в районе к востоку от Одера подтверждается наличием на стоянках Рыбник-Грабовня 3 и Мохельно в Моравском регионе артефактов из кремня с Краковско-Ченстоховской возвышенности [Škrdla, 2000], а на стоянке Держислав 1 отщепов из микушовицкого кремнистого сланца

[Foltyn, Kozłowski, 2003]. Кратковременное появление на территории к северу от Моравских Ворот людей, обитавших в Богуницком регионе, можно рассматривать как эпизод охоты.

Определяющее значение для создания системы поселений и поддержания между ними связей имели водные потоки 4-го порядка (66,7 %; рис. 4). Это были удобные пути, связывавшие стоянки около Держислава; сухие эрозионно-денудационные долины Моравки и ручья Розумицкий являлись ловушками для животных, идущих на водопой. Расположение поселений далеко от главных рек соответствует ситуации в Моравском регионе [Svoboda, 1999; Oliva, 2002]. В долинах небольших рек люди и животные находили укрытие и питьевую воду. Широкие долины больших рек, ориентированные, как правило, с севера на юг, были больше подвержены воздействию ветров и потоков холодного воздуха.

Для проживания люди выбирали чаще всего камовые холмы, а не террасы или уступы на склонах холмов. Удобными для поселения считались только пологие склоны; на вершинах селились редко. В Моравском регионе жилые стоянки встречаются как на склонах, так и на вершинах [Škrdla, 2002]. Организуя поселение на теневой стороне холма, человек чувствовал себя в безопасности, защищенным от сильных ветров. Слабый ветерок в укрытии уносил надоедливую мошку. Расположение поселений на склонах обеспечивало хороший обзор только в одном, но наиболее удобном направлении, в сторону долины [Oliva, 1998a]. Размещение поселений на высотах, доминирующих над окружающей местностью, или на возвышенностях долинных водоразделов давало возможность обзирать долины и плато [Svoboda, 1999; Oliva, 2002; Fajer et al., 2005]. В этих двух зонах со специфическим растительным покровом было представлено сезонное разнообразие пищевых ресурсов, главным образом животных – объектов охоты [Oliva, 2002]. Люди охотились в основном на крупных стадных животных, преимущественно лошадей [Svoboda, Simán, 1989], а также на отдельных более мелких. На стоянках Странска Скала и Брно-Богунице были найдены костные остатки лошади, мамонта и зубра [Musil, 1976, 2003; Seitzl, 1984].

Долговременные стоянки создавались преимущественно на юго-восточном (25 %), восточном и южном (до 16,7 %) склонах (рис. 5). Для жилых стоянок выбирали южные и юго-восточные склоны. Инсоляция южных склонов была в 2 раза выше, чем северных [Soffer, 1985].

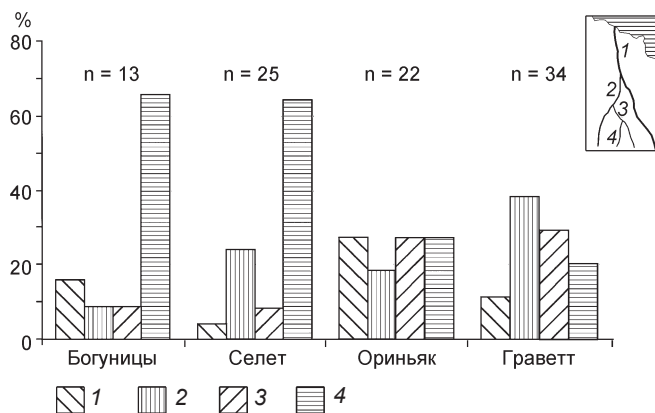

Рис. 4. Распределение археологических стоянок по порядку водотоков.

1 – 1-й порядок; 2 – 2-й; 3 – 3-й; 4 – 4-й.

n – кол-во стоянок.

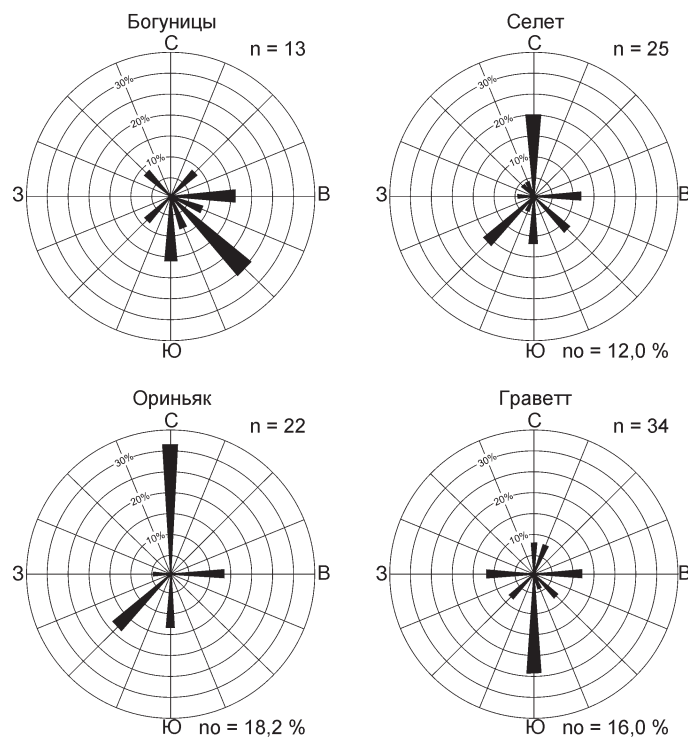

Рис. 5. Распределение археологических стоянок по экспозиции склонов, на которых они находятся.

n – кол-во стоянок; по – доля стоянок, расположенных в равнинных зонах и на вершинах возвышенностей, для которых не удалось определить ориентацию склона.

Восточные склоны также были хорошо освещены. Люди стремились найти места с песчаной и гравийной поверхностью. Поселения не создавались на лессовых почвах, поскольку при влажном климате тающий снег и лед превращали лессовый грунт в жидкую грязь. Стоянки расположены на высоте 205,5–310,0 м над ур. м. (рис. 6). Поселения в Моравии находятся на высоте 230–330 м над ур. м. [Škrdlá, 2002].

Селетская культура

В период существования селетской культуры площадь ойкумены заметно расширилась и составила 3 290 км². Осваивались новые территории и развивалась более широкая и сложная сеть поселений. Место создания поселения уже жестко не связывалось с возвышенностью. Тем не менее поселенческая деятельность в низинах была не очень активной. Зона распространения селетской культуры включала С1, Е, С2, В (см. рис. 2, б). Северная граница этого культурного ареала протянулась вдоль 50°17' с.ш., тогда как восточная – 18°57' в.д. Каменные артефакты позволяют определить зону добычи сырья: ее граница проходит по рекам Ныса Шалена (16°08' в.д.) и Раба (19°43' в.д.).

Предположительно установлено существование двух поселенческих микрорегионов. Зарегистрированы также отдельные разрозненные стоянки. Границами первого микрорегиона являются ручей Розумицкий и р. Моравка. Территория другого (несколько стоянок находятся в стороне) вытянута вдоль долины рек Псина и Грабия. Поселенческие объекты удалены друг от друга не более чем на 6,25 км, минимальное расстояние составляет 0,35–0,40 км. Такая схема размещения поселений соответствует концепции системы связи замкнутых групп человеческих поселений с более или менее постоянными базовыми и кратковременными охотничьими лагерями [Allsworth-Jones, 1986; Oliva, 1995; Valoch, 1996; Svoboda, 2006a].

Памятники Держислав 1 и Трэбом 1, которые, вероятно, являлись центрами территорий освоения (радиус 10 км), относятся к жилым стоянкам. Стоянка Держислав 1 (верхний уровень) расположена на вершине Блэк-Хилл и датируется термолюминесцентным методом $36,5 \pm 5,5$ тыс. л.н. [Kozłowski, 1964a, 2000; Foltyn, 2003]. На объекте прослежены два скопления кремневых изделий, границы которых соединяются с контуром основания уникальной жилищной конструкции, укрепленной валунами неправильной формы [Kozłowski, 1964a; Fajer et al., 2005]. Терочник, покрытый бурым железняком, является свидетельством того [Kozłowski, 1964b], что на сто-

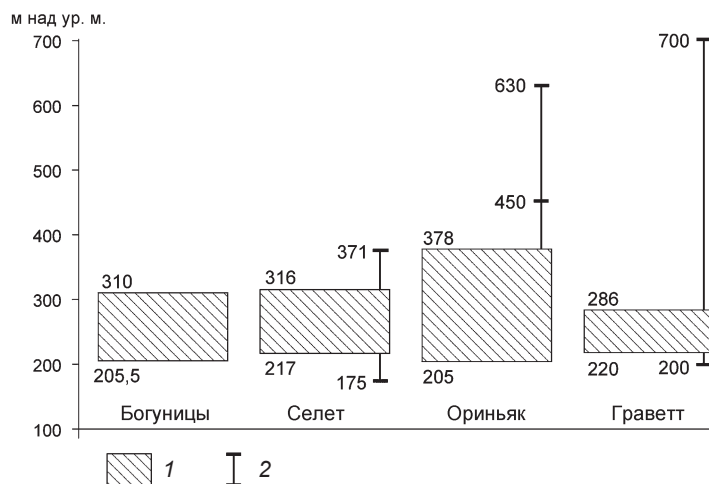

Рис. 6. Распределение археологических стоянок по высоте над уровнем моря.

1 – основные памятники; 2 – отдельные объекты.

янке изготавливалась краска из железняка и здесь же она использовалась при выполнении некоторых видов работ. Поселенческий комплекс с центральной стоянкой на возвышенности, окруженной кольцом более мелких поселений, типичен для селетской культуры [Oliva, 1992; Svoboda, 2001a; Svoboda et al., 2009]. Масштабные по площади стоянки с низкой концентрацией артефактов можно интерпретировать как многослойные [Oliva, 1995]. Рассредоточение каменных материалов на поверхности площадью более 30 м², по существу, исключает возможность обнаружения свидетельств многократного пребывания на стоянке [Kind, 1985].

Среди разных по назначению стоянок были кратковременные охотничьи лагеря и стихийные мастерские [Kozłowski, 1964a; Foltyn, 2003; Svoboda et al., 2009; Bobak, Połtowicz-Bobak, 2009]. В охотничьих лагерях, вероятно, из полуобработанной охотничьей добычи изготавливались необходимые для охотников изделия. Листовидные наконечники, находившиеся вне связи с другими предметами, скорее всего, относятся к категории изделий, потерянных или выброшенных во время остановки с целью отдыха или охоты [Pazda, Bagniewski, 1968; Foltyn, 2003].

Стратегия охоты предполагала ведение наблюдения за открытыми территориями и исключение фактора непредсказуемости за счет контроля более широких пространств [Svoboda, Ložek, Vlček, 1996]. Поселения организовывались с целью поиска каменного сырья и создания условий для его обработки. Это подтверждается отсутствием очевидных стоянок-мастерских, ориентированных на получение нуклеусов и продуктов их расщепления. На стоянках в Моравском регионе артефакты из верхнесилезского камня составляют только 4 % от всех находок [Kozłowski,

1991; Valoch, 1996, 2000; Nerudová, 1997]. Поиск сырья для этого, конечно, не организовывался. Верхнесилезский кремль люди подбирали, скорее всего, случайно, во время миграций, происходивших с иными целями. Согласно предположению Л. Бинфорда [Binford, 1979], поиск кремня был частью охотничьих походов [Kozłowski, 1972/73].

Основные зоны обитания человека сосредоточивались на участках близ водных потоков 4-го (64 %) и 2-го (24 %) порядка (см. рис. 4). Лагеря, находившиеся в долинах небольших ручьев и высохших рек, которые пересекали склоны высокогорий, были защищены от сильных ветров. Размещение поселений около средних рек 2-го порядка позволяло их обитателям обозревать долину и контролировать маршруты передвижения животных, водопой и места пересечения рек, где во время сезонных миграций регулярно появлялись животные и можно было на них охотиться [Oliva, 2007]. Мы полагаем, что в широких речных долинах можно было легче отследить звериные тропы [Valoch, 1996]. К тому же, крутые борта долин рек 2-го порядка (таких как Опава, Олше, Псина или Клодница), вероятно, были местами охоты. Отложения стоянок в Словакии и Моравии, расположенные на подобных участках, содержали остатки мамонта, бизона, зубра, лошади и лося [Oliva, 1995].

Верхнесилезские стоянки занимают важные стратегические позиции; они расположены преимущественно на холмах или небольших, но протяженных возвышенностях. Места для их размещения на вершинах, склонах и у подножий гор выбирались осознанно. Террасы, кромки плато или холмообразные скалистые возвышенности использовались реже.

Из поселений на вершинах возвышенностей, краях террас и бортах долин люди могли наблюдать, что происходило в долинах [Ibid.; Svoboda, 1999; Hromada, 2000; Škrdla, 2002]. Стоянки Дзержислав 1 и Трэбом, которые считаются жилыми поселениями, расположены на высотных точках. Выбор места для них, вероятно, сделан с учетом хорошей освещенности участка, защищенности от насекомых, а также возможности вести наблюдения за миграцией животных. Неподалеку от Дзержислава 1 находился один (или два) созданный человеком бугор [Fajer et al., 2005], откуда можно было лучше контролировать окружающую местность. Необходимо упомянуть и о стоянке Отице, которая занимает выгодную позицию: с нее открывается вид на долину в точке пересечения четырех рек – Велка, Гвозднице, Моравице и Опава.

Для охотничьих лагерей выбирали места, где был широкий, ничем не ограниченный обзор, и на подветренной стороне, поскольку в безветренную погоду запах человека распространяется во всех направлениях со средней скоростью 1 м/мин [Meissner, 1990]. Поселения создавались, как правило, в местности с пес-

чаной или гравийно-песчаной поверхностью, быстро впитывающей влагу. Стоянки обычно встречаются на склонах, обращенных на север (20,8) и на юго-запад (16,7 %) (см. рис. 5), большинство – на отметках 217–316 м над ур. м. (87 %), редко – 175–371 м над ур. м. (см. рис. 6). Важно отметить, что богунские и селетские поселения территориально в целом не совпадали. Подобное наблюдается и в Моравском регионе [Oliva, 1995; Svoboda et al., 2009].

Ориньякская культура

Поселения носителей ориньякской культуры занимали территорию площадью 3 756 км² и находились в зонах C1, B, A, C2, C3 (см. рис. 3, а). Этот ареал протянулся от 17°38' до 19°03' в.д. вдоль 50°28' с.ш. и не включал низинные территории. Стоянки сосредоточивались в долинах рек Моравка, Троя и Псина, а также на Хелмском массиве. Расстояние между ними 2,6–6,7 км (Моравка – Троя – Псина) и 2,0–4,2 км (Хелмский массив). Стоянки в Силезском предгорье, в Силезских Бескидах и Малых Бескидах, возможно, образовывали третье скопление; остальные стоянки не связаны друг с другом. Характерной чертой ориньякской культуры является территориальная изолированность разнотипных групп поселений [Hahn, 1977; Svoboda, Simán, 1989; Valoch, 1996; Bánesz, 1998; Svoboda, 2006a].

Наиболее крупные мастерские (Люботынь 1 и Люботынь 11) и жилые стоянки, объединенные с мастерскими (Высока 57 и Острава-Гошталковице I; табл. 1), сопровождалась небольшими мастерскими и лагерями со следами временного пребывания охотников во время разовых остановок либо остановок с целью восстановления орудий [Kozłowski, 1964a, 1965; Foltyn E., 2003; Foltyn E.M., Foltyn E., 2003; Masóć, Bronowicki, 2003; Połtowicz, 2003].

Количественный анализ инвентаря стоянок Корнице 11 [Chochorowska, Chochorowski, 1986] и Петровице Вельке 4b [Kozłowski, 1964a] выявил преобладание по численности нуклеусов над орудиями. На этих стоянках по сравнению со стоянками в Бескидских горах местный микушовицкий кремнистый сланец представлен в объеме, который соответствовал лишь ежедневным потребностям; его появление можно связать со спорадическими масштабными перемещениями людей в поисках новых охотничьих территорий.

Таким образом, следы пребывания ориньякского населения на северной стороне Моравских Ворот свидетельствуют о двух видах деятельности – охоте и изготовлении каменных орудий. Они определяли потребность в кремневом сырье [Svoboda, Ložek, Vlček, 1996; Valoch, 1996]. Преобладание изделий из верхнесилезского кремня отмечена в тех районах, где представлена индустрия типа Мишковице [Valoch, 1993;

Oliva, 2002]. Значительное присутствие артефактов из этого сырья отмечено также на ориньякских стоянках [Valoch, 1975; Oliva, 2002; Škrdla, 2007]. Частая встречаемость изделий из верхнелесского кремня в инвентаре памятников Моравского региона означает регулярный доступ к его ресурсам. Возможно, организовывались специальные походы к источникам этого сырья, известным определенным группам людей [Kozłowski, 1972/73; Oliva, 1984]. Такие экспедиции, которые Л. Бинфорд называл целенаправленными [Binford, 1979], могли совпадать с сезонными миграциями животных. Наличие изделий из юрско-го кремня, встречающегося в окрестностях Кракова, свидетельствует о передвижениях групп людей на значительные расстояния в восточном направлении [Ibid.]. По мнению М. Оливы, группы людей, перемещавшиеся к выходам кремня, могли обмениваться целыми отдельностями камня с другими сообществами. В мастерских изготавливали пластины и орудия [Kozłowski, 2004], которые попадали к ближайшим и несколько более отдаленным соседям, например, обитателям территорий Восточной Словакии и Венгрии [Kozłowski, 1972/73; Oliva, 1984; Kozłowski, Mester, 2003/04]. По мнению И. Свободы [Svoboda, Ložek, Vlček, 1996], сырье с севера на ориньякских стоянках появилось, возможно, в результате контактов ориньякских популяций с носителями граветтской культуры. Целью походов в горы могла быть также сезонная охота [Kozłowski, 1994].

Между типом стоянки и ее местоположением нет прямой связи. Поселения рассредоточены в равной степени вдоль водных потоков 1 (27,3 %), 3 (27,3 %), 4 (27,3 %) и 2-го (18,2 %) порядка (см. рис. 4). Наиболее крупные поселения не располагаются у водотоков 3-го порядка. Такое распределение поселений по территориям около рек и ручьев в северных предгорьях Моравских Ворот можно объяснить тем, что реки являлись своеобразными коридорами, которые соединяли разные экологические зоны [Bahn, 1983], в равной степени привлекательные для носителей ориньякской культуры. По речным долинам человеку легче было выйти на моренные равнины и плато с флювиогляциальными отложениями. Тенденция к одновременному освоению вершин, долин и впадин как мест для создания стоянок не прослеживается. Обитатели стоянок, расположенных не в горах, были вынуждены ежедневно совмещать орудийную деятельность и охоту. Чтобы обеспечить себя пищей, охотники, скорее всего, преследовали любых животных; например, материалы стоянки в Австрии содержали костные остатки не только северного оленя, но и мамонта, носорога, оленя, лисы, горного альпийского козла, волка, зайца, лошади, льва и полорогих жвачных [Hahn, 1977]. На многих стоянках артефакты рассеяны по склонам холма. Стоянки на склонах се-

верной экспозиции преобладают (31,9 %; см. рис. 5). Лишь несколько стоянок ориентированы на юго-запад (Высока 57, Петровице Вельке 4b и Корнице 11) и восток (Держислав 79). Поселения располагаются на вершинах или склонах либо на краях возвышенностей. Встречаются местонахождения и в зоне обнажения горных пород (Хелмский массив). В таких местах впитывающая способность грунта и утечка воды вызывали пересушенность земли.

Стоянки на вершинах или в стратегически важных местах создавались, вероятно, с учетом необходимости отслеживать перемещение дичи [Oliva, 1987; Svoboda et al., 2009]. Широкий обзор давал возможность охотникам заранее выбирать тактику поведения [Hromada, 2000]. Примерами могут являться стоянки в долине р. Одер – в Хелмском массиве и в Острава-Гошталковице I [Masojć, Bronowicki, 2003; Neruda, 1997].

Большинство стоянок (90,9 %) расположены на высоте 205–378 м над ур. м. (см. рис. 6). Две стоянки находятся на высоте 450–630 м над ур. м.

Граветтская культура

Ареал памятников граветтской культуры обширен: его площадь 6 565 км². Поселения располагались в зонах C1, C3, C2, A, E (см. рис. 3, б). Мигрирующие в северном направлении носители граветтской культуры достигли пространства между 17°12' и 18°55' в.д., что свидетельствует об устойчивости, подвижности и гибкости их поселенческих моделей. Они не избегали территорий с изменчивыми условиями окружающей среды. Анализ распространения граветтских стоянок выявил их наиболее высокую плотность на территории, где высокие равнины Глучин соединяются с низинной местностью Острава. Здесь поселения удалены на 0,7–8,5 км друг от друга. Два менее консолидированных комплекса, в которых расстояния между стоянками составляют 5,0–13,5 км, были выявлены на участках между реками Опава и Особлага, а также Особлага и Ныса Клодзка. Аналогично располагаются объекты небольшого комплекса в долине р. Руда. Концентрация поселений вдоль речных долин иногда создает впечатление линейной системы [Otte, 1985]. На юге поселения располагаются по линии ЮВ – СЗ, на севере – по линии ЮЗ – СВ. Обособленное кратковременное поселение Истебна 7 [Rydlowski, 1983] является свидетельством того, что человек решился заходить глубоко в горы.

К северу от Моравских Ворот выделяются два хронологических горизонта граветта. Один из них отражает развитую стадию и содержит материалы павловской культуры. Второй, менее выраженный горизонт, включающий наконечники с боковой выемкой, связан с виллендорф-костёнковской и средиземноморской граветтской (Розумице 3) культурами. Поселения

различаются по материалам культур. Жилые поселки (Острава-Петршковице I, Острава-Петршковице II, Вуйице; табл. 1) с домашней мастерской (Цыпшанув I) встречаются чаще всего.

По результатам радиоуглеродного датирования были выделены два этапа в истории стоянки Острава-Петршковице I: $23\,370 \pm 160$ и $20\,790 \pm 270$ л.н. [Svoboda et al., 2009]. Рядом с остатками жилищных конструкций здесь находились хозяйственные ямы для хранения припасов, пятна т.н. красного железа, а также многочисленные следы кострищ, что свидетельствует о длительном пребывании человека. Данный вывод подтверждается наличием среди находок фигурок «венеры», которые, вероятно, были забыты на стоянке [Klima, 1955; Otte, 1981; Jarošová et al., 1996; Jarošová, 1999; Oliva, Neruda, 1999].

Небольшие стоянки со скудным материалом, повидимому, были кратковременными мини-мастерскими или спутниками охотничьих лагерей – Смич 6, 18, Гошталковице II [Kozłowski, 1964a; Klima, 1969; Rydlewski, 1983; Neruda, 1995, 1997; Oliva, 1998a; Oliva, Neruda, 1999; Foltyn, 2000; Neruda, Nerudová, 2000; Svoboda, 2000; Svoboda et al., 2009; Foltyn E.M., Foltyn E., 2003; Połtowicz, 2003]. Судя по наличию павловских наконечников, которые интерпретируются как орудия охоты и/или ножи, здесь могли быть охотничьи территории и/или места, где обитала дичь [Kozłowski, 1964a; Foltyn E.M., Foltyn E., Wysocka-Grzanka, 1995].

Эти гравецкие популяции из Моравского и Богемского регионов, вероятно, пришли в бассейн верхнего течения Одера и к истоку Вислы в поисках источников высококачественного сырья. «Импорт» верхнесилезского кремня достиг невиданных ранее масштабов [Oliva, 2002; Svoboda, 2003]. Доля изделий из него на моравских стоянках составляла от 6,2 до 100 % [Svoboda, 2001b; Oliva, 2007; Škrdl, Nyvltová-Fišáková, Nyvlt, 2008; Svoboda et al., 2009]. Верхнесилезский кремень доставлялся и на территории Восточной Словакии, Австрии и Венгрии [Kozłowski, 1987; Dobosi, 2000]. Потребность в нем обитателей поселений на территориях Моравии и Словакии обусловила появление и развитие системы взаимного и регулярного обмена [Svoboda, 1994; Svoboda, Ložek, Vlček, 1996; Oliva, 1998b]. Природа этого феномена требует обсуждения. Известны две точки зрения на нее. Первая основана на данных о том, что территория северных предгорий Моравских Ворот является источником каменного сырья. Кремень добывали в ходе регулярных специальных экспедиций или охотничьих походов по следам мигрирующих животных [Kozłowski, 1996; Svoboda, Ložek, Vlček, 1996; Oliva, 1998b, 2007; Svoboda, 2001b]. Если бы камни приходилось доставлять отдельно от другой добычи, то их объем и интенсивность использования должны были сокращаться по мере увеличения расстояния от источника [Oliva,

2002]. Однако изделия из верхнесилезского кремня доминируют даже на самых отдаленных местонахождениях. Нет никаких свидетельств специальной обработки или повышения эффективности его использования [Oliva, 1998b, 2002]. Низкая плотность стоянок и, главное, малочисленность мастерских противоречат такой модели [Oliva, 2007]. Заселение северных предгорий Моравских Ворот, возможно, было кратковременным (летний сезон?) и поэтому не оставило заметных следов [Ibid.]. Некоторые стоянки были уничтожены в результате процессов солифлюкции. Лишь отдельные культурно недиагностируемые артефакты могут свидетельствовать о существовании дополнительных стоянок-мастерских или хозяйственных мастерских [Kozłowski, 1996].

Согласно второй точке зрения, в северных предгорьях Моравских гор в ходе адаптации к местной микросреде сформировался автономный поселенческий центр, который постоянно или большую часть года был населен. Обнаружение отдельного небольшого поселенческого центра на территории Венгрии [Dobosi, 2000] подтверждает эту гипотезу. Носители гравецкой культуры нашли богатые природные ресурсы в Верхней Силезии. В дальнейшем их поселенческая деятельность распространилась на многие долины. Например, в долинах на Глубчицком плато плотность поселений в направлениях С – Ю, СЗ – ЮВ и СВ – ЮЗ составляет от одного до трех на 1 км². Группам, которые решались зимовать здесь, удавалось накопить запасы мяса и дров в конце лета и осенью. На круглогодичных поселениях мастера, имевшие доступ к источникам кремня, сталкивались с выходцами с территории Моравии и Словакии, которые также приходили за сырьем [Oliva, 1998b]. Жители сезонных поселений, занимавшиеся добычей кремня, со временем передвигались к югу, в места с более комфортными для проживания условиями, с ними перемещался и каменный материал. Обмениваясь кремнем, представители разных групп получали право на охоту на чужих территориях [Oliva, 1998b, 2007]. Предположение о такой модели распределения подтверждается тем, что в Моравском регионе наиболее крупные поселения были обитаемы круглогодично или в течение зимы [Klima, 1994; Svoboda, Ložek, Vlček, 1996; Nyvltová-Fišáková, 2013], а на территории Словакии – осенью и, возможно, зимой [Kaminská, Kozłowski, 2002].

В обоих ареалах человека обмен сырьем выполнял важную социальную функцию и способствовал поддержанию межгрупповых отношений [Oliva, 2002]. Сырье транспортировалось в виде предварительно оббитых галек, пренуклеусов, пластин или нуклеусов [Kozłowski, 1987; Oliva, 1998b, 2007]. И хотя приоритетной задачей являлась разработка каменных ресурсов, население не прекращало охотиться. Охот-

ничьи коллективы покидали базовые стоянки (Острава-Петршковице I, Вуйцице?), иногда называемые «местами добывания камня» [Klima, 1957], и отправлялись на близлежащие территории, а также в горы [Rydlowski, 1983]. Согласно палеозоологическим данным, мамонт (Острава-Петршковице I, Опава I, II, Вуйцице?) являлся объектом охоты наряду с лошастью и северным оленем (Острава-Петршковице I, Опава I).

Наиболее часто местонахождения встречаются вдоль водных потоков 2-го (38,2 %) и 3-го (29,4 %) порядка (см. рис. 4). Поселения и мастерские часто располагались вблизи водотоков 1-го и 2-го порядка. В этих местах люди охотились главным образом на мамонтов, а также добывали камень на склонах долин. В широких долинах рек 1-го и 2-го порядка люди могли обеспечить себя пищей круглый год [Oliva, 2007]. Холмам они предпочитали край плато, возвышающегося над долиной. Поселения создавались на склонах или террасах, что может объясняться

стремлением их обитателей контролировать происходящее в долине и на возвышенностях, а также иметь доступ к питьевой воде. Люди не были готовы организовывать поселения внизу, в долинах (как это сделали обитатели Моравского региона [Oliva, 1998a]), поскольку они боялись насекомых, наводнений, ветров и потоков холодного воздуха.

На территории Моравии и Венгрии большинство постоянных лагерей расположены рядом с вершинами и на возвышенностях [Ibid.; Oliva, Neruda, 1999], с которых можно было вести наблюдение за пространством радиусом в несколько километров. С поселения Острава-Петршковице I на холме Ландек открывался вид на широкую долину Одера, покрытую весной зеленью. Охотничьи лагеря разбивались около устьев притоков больших рек [Otte, 1981].

Стоянки располагались, как правило, на южных, наиболее освещенных склонах (24,3 %; см. рис. 5). В этом состоит их отличие от поселений в Моравском

Таблица 2. Связь верхнепалеолитических объектов северных предгорий Моравских Ворот с ландшафтными зонами

Ландшафтные зоны	Высота над уровнем моря, м	Площадь ареала, % от площади рассматриваемого региона	Рельеф	Наличие сырья	Тип памятника	Культура
A	600–1400	8,61*	Средневысотные горы, окруженные вершинами, ступенчатые борта долин	+	Охотничий лагерь	Ориньякская, граветтская
B1+B2	300–500	10,35+9,18	Холмистый (Силезское низкорье); перевалы; протяженные, относительно высокие хребты; карстовые формы (Силезско-Краковская возвышенность)	+	Поселения с элементами мастерской Охотничий лагерь Кратковременная стоянка	Селетская, ориньякская
C1	260–310	6,21	Переход от плоского рельефа к холмистому; лессы; поверхность глубоко расчленена долиной	+	Мастерская Мини-мастерская Поселение Поселение с элементами мастерской Кратковременная стоянка Место забоя животных	
C2	200–260	28,52	Плоский и холмистый	+	Поселение с элементами мастерской Кратковременная стоянка Место охоты	То же
C3	160–200	19,3	Плоский и слегка холмистый	+	Поселение с элементами мастерской Кратковременная стоянка Место охоты	Богуницкая, селетская, граветтская
D	240–320	0,72	Холмы вытянутой или нерегулярной формы	+	—	—

*Без учета Восточных Судет.

регионе [Oliva, 1998a, 2002; Škrdla, 2006]. Частично оно объясняется разной ориентацией долин: в Моравском регионе последние расположены меридионально, а к северу от Моравских Ворот – почти широтно. При выборе места для стоянки предпочтение отдавали лессовым ареалам. Преобладание лессовых отложений гарантирует оптимальные условия для произрастания травяных растений, которые привлекают крупных млекопитающих [Fajer et al., 2005]. В зонах с исключительно благоприятными ландшафтными условиями стоянки организовывались несколько раз практически в одном и том же месте (Острава-Петршковице I, II, Опава I).

Подавляющее большинство стоянок находится на высоте 220–286 м над ур. м. (83,3 %). Стоянка Истебна 7 расположена на высоте 700 м над ур. м. (см. рис. 6). Аналогичная ситуация наблюдается в Моравском регионе [Oliva, 1998a; Svoboda, 2003; Svoboda et al., 2009; Škrdla, 2006] и в западной части Словакии [Kaminská, Kozłowski, 2002].

Заключение

Объектом исследования были четыре поселенческо-адаптационные системы, сформированные в результате демографических, экономических и социальных процессов, которые происходили на территориях к югу от Моравских Ворот. Охотники начала и середины верхнего палеолита проживали в северных предгорьях Моравских Ворот. Их сходство проявлялось в выборе мест для своих поселений, а различия – в размещении отдельных стоянок и способах использования занимаемых земель (табл. 2).

Поселенческая модель богуницкой культуры предполагала заселение территорий, ограниченных камовыми холмами высотой до 310 м над ур. м. Стоянки располагались вблизи водных потоков 4-го порядка, на склонах с юго-восточной, восточной и южной экспозицией, в некотором удалении от вершин.

Селетской культуре принадлежит другая поселенческая модель. Повышенной мобильности ее носителей соответствовали большее число стоянок и более крупные размеры «земельных владений». Поселения селетской культуры находятся в зонах C1, E, C2 и B. Во время миграции стоянки создавались в долинах рек преимущественно 4-го и 2-го порядка. Селетские группы размещали свои лагеря на высоте 217–316 м над ур. м., преимущественно на камовых и скалистых холмах, а позже – на террасах или кромках моренных плато. Они выбирали склоны, как правило, северной, юго-западной, южной и юго-восточной экспозиции.

Поселенческая модель ориньякского населения была связана с освоением зон C1, B и A. Диапазон вертикального перемещения достигал 425 м (205–630 м

над ур. м.). Стоянки организовывались на возвышенностях (камовых, моренных, гористых, скалистых или нагорных), у водных потоков 1, 3, 4-го и в меньшей степени 2-го порядка, на северном, юго-западном, южном и восточном склонах.

Носители граветтской культуры, как и селетское население, селились в низинах и, как представители ориньякской культуры, несмотря на трудности, – в горах. Ареалы граветтского населения соответствуют ландшафтным зонам C, A, E, но фактически их модель в большей степени связана с регионом C1. Поселения организованы на высотах 220–286 м над ур. м. на кромках плато, в основном на теневых склонах холмов и вершин, обеспечивавших естественную защиту, на берегах рек 2, 3, 4-го и реже – 1-го порядка. Стоянки, как правило, располагались на южном, восточном и западном склонах. Популяции мигрировали в поисках сырья и охотничьей добычи.

Группы населения, следы деятельности которых периода интерпленигиала обнаружены на северных предгорьях Моравских Ворот, различаются по материальному статусу, хозяйственным и поселенческим традициям.

Список литературы

- Allsworth-Jones P.** The Szeletian and the transition from Middle to Upper Palaeolithic in central Europe. – Oxford: Clarendon Press, 1986. – 412 p.
- Bahn P.** Late Pleistocene economies of the French Pyrenees // *Hunter-Gatherer Economy in Prehistory. A European Perspective* / ed. G.N. Bailey. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – P. 168–186.
- Bánesz L.** Socio-historical and palaeo-ecological considerations of Aurignacian in Europe and Near East // *Slovenská archeológia*. – 1998. – Vol. 46. – P. 1–30.
- Binford L.R.** Organisation and formation processes. Looking at curated technologies // *J. of Anthropol. Research*. – 1979. – Vol. 35. – P. 255–273.
- Bobak D., Poltowicz-Bobak M.** Przyczynek do rozpoznania osadnictwa paleolitycznego na terenach Płaskowyżu Głubczyckiego. Dwa nowe stanowiska powierzchniowe z Pilszcza // *Śląskie Sprawozdania Archeologiczne*. – 2009. – Vol. 51. – S. 131–140.
- Chochorowska E., Chochorowski J.** Nowe dane do geochronologii stanowiska paleolitycznego Kornice 11 // *Materiały Archeologiczne*. – 1986. – T. 23. – S. 233–245.
- Dagnan A., Ginter B.** Wyniki badań na stanowisku górnopaleolitycznym w Wójcicach, pow. Grodków // *Sprawozdania Archeologiczne*. – 1970. – Vol. 22. – S. 31–37.
- Dobosi V.** Interior parts of the Carpathian Basin between 30,000 and 20,000 BP // *Hunters of the Golden Age. The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30,000–20,000 BP* / eds. W. Roebroeks, M. Mussi, J. Svoboda, K. Fennema. – Leiden: Univ. of Leiden, 2000. – P. 232–239.
- Fajer M., Foltyn E., Kozłowski J.K., Pawelczyk W., Waga J.M.** The multilayer Palaeolithic site of Dzierżysław I

(Upper Silesia, Poland) and its environmental context // *Přehled výzkumů*. – 2005. – Vol. 46. – S. 13–33.

Foltyn E. Badania ratownicze wielokulturowego stanowiska C w Rozumicach, woj. opolskie // *Badania archeologiczne na Górnym Śląsku i ziemiach pogranicznych w 1997 roku* / ed. E. Tomczak. – Katowice: Centrum Dziedzictwa Kulturowego Górnego Śląska, 2000. – S. 13–19.

Foltyn E. Uwagi o osadnictwie kultur z ostrzami liściowatymi na północ od łuku Karpat // *Przegląd Archeologiczny*. – 2003. – Vol. 51. – S. 5–47.

Foltyn E.M., Foltyn E. Starsza epoka kamienia we wschodniej części Górnego Śląska w świetle odkryć w dorzeczu Rudy // *Ludzie i Kultury* / ed. I. Bukowska-Floreńska. – Żory: Muzeum Miejskie w Żorach, 2003. – Vol. 1. – S. 85–104.

Foltyn E.M., Foltyn E., Wysocka-Grzanka J. Archeologiczne badania poszukiwawcze nad dolną i środkową Rudą // *Scripta Rudensia*. – 1995. – Vol. 4. – S. 7–29.

Foltyn E., Kozłowski J.K. The lower level of the site of Dzierżysław I, Opole voivodship (Silesia, Poland) and the problem of the Bohunician // *Eurasian Prehistory*. – 2003. – Vol. 1. – P. 79–116.

Geomorfologia Polski. Góry i wyżyny / ed. M. Klimaszewski. – Warszawa: PWN, 1972. – T. 1. – 384 s.

Hack J. Studies of longitudinal stream profiles in Virginia and Maryland // *Geological Survey Professional Paper*. – 1957. – Vol. 294-B. – P. 45–95.

Hahn J. Aurignacien. Das Ältere Jungpaläolithikum in Mittel- und Osteuropa. – Köln: Böhlau, 1977. – 187 S.

Hromada J. Moravany nad Váhom. Táboriská lovcov mamutov na Povazi. – Nitra; Bratislava: Archeologický ústav Sloven. akad. vied., 2000. – 126 s.

Jarošová L. Nové výzkumy paleolitické lokality v Ostravě-Petřkovicích v letech 1994–1995 // *Archeologické rozhledy*. – 1999. – T. 51. – S. 26–57.

Jarošová L., Čílek V., Oches E., Śnieszko Z. Petřkovice, excavations 1994–1995 // *Paleolithic in the Middle Danube Region* / ed. J. Svoboda. – Brno: Archeologický ústav Akad. věd České republiky, 1996. – P. 191–205.

Kaminská L., Kozłowski J.K. Gravettian settlement on the south and north side of the Western Carpathians // *Starsza i środkowa epoka kamienia w Karpatach polskich* / ed. J. Gancarski. – Krosno: Muzeum Podkarpackie w Krośnie, 2002. – P. 35–58.

Kind C.-J. Die Verteilung von Steinartefakten in Grabungsflächen. – Tübingen: Archaeol. Venatoria: Inst. für Urgeschichte, 1985. – 283 S.

Klima B. Výsledky archeologického výzkumu na tábořišti lovců mamutů v Petřkovicích, okr. Ostrava v roce 1952 a 1953 // *Acta Musei Silesiae*. – 1955. – T. 4. – S. 1–35.

Klima B. Übersicht über die jüngsten paläolithischen Forschungen in Mähren // *Quartär*. – 1957. – Bd. 9. – S. 85–130.

Klima B. Petřkovice II – nová paleolitická stanice v Ostravě // *Archeologické rozhledy*. – 1969. – T. 21. – S. 583–595.

Klima B. Paleolitické nálezy z Otice u Opavy // *Archeologický Sborník*. – 1974. – T. 1. – S. 9–21.

Kozłowski J.K. Paleolit na Górnym Śląsku. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, PAN, 1964a. – 222 s.

Kozłowski J.K. Stanowisko górnopaleolityczne Dzierżysława I, pow. Głubczyce, na Górnym Śląsku w świetle badań przeprowadzonych w 1962 r. // *Wiadomości Archeologiczne*. – 1964b. – T. 30. – S. 461–477.

Kozłowski J.K. Węzłowe problemy chronologii paleolitu w dolinie Odry i Cyny pod Raciborzem // *Rocznik Muzeum Górnośląskiego w Bytomiu, Archeologia*. – 1965. – T. 3. – S. 5–38.

Kozłowski J.K. The origin of lithic raw materials used in the Palaeolithic of the Carpathian countries // *Acta Archaeologica Carpathica*. – 1972/73. – Vol. 13. – P. 5–19.

Kozłowski J.K. Changes in raw material economy of the Gravettian technocomplex in Northern Central Europe // *International Conference on Prehistoric Flint Mining and Lithic Raw Material Identification in the Carpathian Basin* / ed. K.T. Biró. – Budapest, 1987. – P. 65–79.

Kozłowski J.K. Raw material procurement in the Upper Paleolithic of Central Europe // *Raw material economies among prehistoric hunter-gatherers* / eds. A. Montet-White, S. Holden. – Lawrence: Univ. of Kansas, 1991. – P. 187–196. – (Univ. of Kansas Publ. in Anthropol.; N 19).

Kozłowski J.K. Le Paléolithique des Carpates occidentales // *Preistoria Alpina – Museo Tridentino di Scienze Naturali*. – 1994. – Vol. 28 (1992). – P. 113–126.

Kozłowski J.K. The Danubian Gravettian as seen from the northern perspective // *Paleolithic in the Middle Danube Region* / ed. J. Svoboda. – Brno: Archeologický ústav Akad. věd České republiky, 1996. – P. 11–22.

Kozłowski J.K. Southern Poland between 50 and 30 Kyr B.P. Environment and Archeology // *Neanderthals and Modern Humans: discussing the transition: Central and Eastern Europe from 50,000–30,000 B.P.* / eds. J. Orschiedt, G.-C. Weniger. – Mettmann: Neanderthal Museum, 2000. – P. 76–91.

Kozłowski J.K. Świat przed “rewolucją” neolityczną. Wielka Historia Świata. – Kraków: Fogra, 2004. – T. 1. – 768 s.

Kozłowski J.K., Mester Z. Un nouveau site du Paléolithique supérieur dans la région d'Eger (nord-est de la Hongrie) // *Præhistoria*. – 2003/04. – Vol. 4/5. – P. 109–140.

Masojć M., Bronowicki J. The Chełm Massif area – An Aurignacian settlement enclave in the South-Western Poland // *Przegląd Archeologiczny*. – 2003. – Vol. 51. – S. 49–76.

Meissner H.-O. Die Überlistete Wildnis. – Warszawa: Bellona, 1990. – 285 S.

Musil R. Pferdefunde aus der Zeit zwischen dem Alt- und Mittelwurm // *Valoch K. Die altsteinzeitliche Fundstelle in Brno-Bohunice*. – Praha: Archeologický ústav Československé akad. věd, 1976. – S. 76–83.

Musil R. The Early Upper Paleolithic fauna from Stránská skála // *Stránská skála. Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin Moravia, Czech Republic* / eds. J. Svoboda, O. Bar-Yosef. – Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ., 2003. – P. 213–218.

Neruda P. Technologická analýza remontáže gravettienké industrie z lokality Hoštálkovice-Hladový Vrch // *Acta Musei Moraviae*. – 1995. – Vol. 80. – S. 29–44.

Neruda P. Paleolitická stanice na “Dubečku” v Ostravě-Hoštálkovicih // *Acta Musei Moraviae*. – 1997. – Vol. 82. – S. 87–116.

Neruda P., Nerudová Z. Archeologická sondáž na lokalitě Hoštálkovice II-Hladový Vrch (o. Ostrava) // *Acta historica et museologica Universitatis Silesianae Opaviensis*. – 2000. – T. 5. – S. 116–122.

Nerudová Z. K využití cizích surovin v szeletieniu na Moravě // *Acta Musei Moraviae*. – 1997. – T. 82. – S. 79–86.

- Nýltová-Fišáková M.** Seasonality of Gravettian sites in the Middle Danube Region and adjoining areas of Central Europe // *Quaternary Intern.* – 2013. – Vol. 294. – P. 120–134.
- Oliva M.** Technologie a použité suroviny štípané industrie moravského aurignacienu // *Archaeologické rozhledy*. – 1984. – T. 36. – S. 601–628.
- Oliva M.** Aurignacien na Moravi // *Studie muzea Kroměřížska*. – 1987. – T. 87. – S. 5–128.
- Oliva M.** The Szeletian occupation of Moravia, Slovakia and Bohemia // *Acta Musei Moraviae*. – 1992. – Vol. 77. – S. 35–58.
- Oliva M.** Le Szélétien de Tchécoslovaquie: industrie lithique et repartition géographique // *PALEO*. – 1995. – N 1, suppl. – P. 83–90.
- Oliva M.** Geografie Moravského Gravettien // *Památky archeologické*. – 1998a. – T. 89. – S. 39–63.
- Oliva M.** K ekonomii surovin štípané industrie Moravského Gravettien // *Sborník Prací Filozofické Fakulty Brněnské Univ.* – 1998b. – T. 3. – S. 9–19.
- Oliva M.** Využívání krajiny a zdrojů kamenných surovin v mladém paleolitu // *Archeologické rozhledy*. – 2002. – T. 54. – S. 555–579.
- Oliva M.** Gravettien na Moravě. – Brno: Masarykova univ., 2007. – 258 s.
- Oliva M., Neruda P.** Gravettien severní Moravy a českého Slezska // *Acta Musei Moraviae*. – 1999. – T. 84. – S. 43–115.
- Otte M.** Le Gravetien en Europe Centrale // *Disserationes Archaeologicae Gaudenses*. – 1981. – Vol. 20. – P. 1–504.
- Otte M.** Le Gravettien en Europe // *L'Anthropologie*. – 1985. – Vol. 89. – P. 479–503.
- Klima B.** Pavlov I Excavations 1952–53. – Liège: Univ. de Liège, 1994. – 234 p. – (ERAUL; N 66).
- Pazda S., Bagniewski Z.** Wyniki badań powierzchniowych w powiecie głubczyckim // *Terenowe Badania Archeologiczne na Opolszczyźnie. Rok 1968*. – Opole, 1968. – S. 57–87.
- Petrkovice:** On Shouldered Points and Female Figurines / ed. J. Svoboda. – Brno: Archeologický ústav Akad. věd České republiky, 2008. – 252 s.
- Poltowicz M.** Dzierżysław 79, pow. Głubczyce – nowe, wielokulturowe stanowisko powierzchniowe z epoki kamienia // *Śląskie Sprawozdania Archeologiczne*. – 2003. – T. 45. – S. 97–106.
- Rydlewski J.** Paleolityczne i neolityczne materiały z Beskidu Śląskiego // *Acta Archeologica Carpathica*. – 1983. – T. 22. – S. 199–207.
- Seidl L.** Befund über das pleistozäne osteologische Material von Stránská skála (Bez. Brno-město) // *Přehled výzkumů* 1982. – Brno: Archeologický ústav ČSAV, 1984. – 13 s.
- Soffer O.** The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. – Orlando (Florida): Academic Press, 1985. – 539 p.
- Svoboda J.** The Pavlov Site, Czech Republic: lithic evidence from the Upper Paleolithic // *J. of Field Archaeol.* – 1994. – Vol. 21. – P. 69–81.
- Svoboda J.** Čas lovců: dějiny paleolitu, zvláště na Moravě. – Brno: Archeologický ústav Akad. věd České republiky, 1999. – 352 s.
- Svoboda J.** Opava (okr. Opava) // *Přehled výzkumů*. – 2000. – T. 40. – S. 168–174.
- Svoboda J.** La question szélétienne // *Les industries à outils bifaciaux du Paléolithique moyen d'Europe occidentale* / ed. D. Cliquet. – Liège: Univ. de Liège, 2001a. – P. 221–230. – (ERAUL; N 98).
- Svoboda J.** The Pavlov site and the Pavlovian: a large hunter's settlement in a context // *Præhistoria*. – 2001b. – Vol. 2. – P. 97–115.
- Svoboda J.** The Gravettian of Moravia: Landscape, settlement, and dwellings // *Perceived landscapes and built environments: The cultural geography of Late Paleolithic Eurasia* / eds. S.A. Vasil'ev, O. Soffer, J. Kozłowski. – Oxford: Archaeopress, 2003. – P. 121–129. – (BAR Intern. Ser.; N 1122).
- Svoboda J.** Sidelní archeologie loveckých populací. K dynamice a populační kinetice mladého paleolitu ve středním Podunají // *Přehled výzkumů*. – 2006a. – T. 47. – S. 13–31.
- Svoboda J.** The Danubian Gate to Europe: Patterns of chronology, settlement archeology, and demography of late Neandertals and early modern humans of the Middle Danube // *When Neanderthals and Modern Humans Met* / ed. N.J. Conard. – Tübingen: Kerns Verl., 2006b. – P. 233–267.
- Svoboda J., Havlíček P., Ložek V., Macoun J., Musil R., Přichystal A., Svobodová H., Vlček E.** Paleolit Moravy a Slezska. – Brno: Archeologický ústav Akad. věd. České republiky, 2009. – 303 p.
- Svoboda J., Ložek V., Vlček E.** Hunters between East and West. The Paleolithic of Moravia. – N. Y.: Plenum Press, 1996. – 307 p.
- Svoboda J., Simán K.** The Middle-Upper Paleolithic transition in Southeastern Central Europe (Czechoslovakia and Hungary) // *J. of World Prehistory*. – 1989. – Vol. 3. – P. 283–322.
- Škrdla P.** Mohelno – stanice z období přechodu od středního k mladému paleolitu na Moravě // *Přehled výzkumů*. – 2000. – T. 40. – S. 35–47.
- Škrdla P.** Změny v sídelní strategii mladého paleolitu v mikroregionu brněnské kotliny // *Archeologické rozhledy*. – 2002. – T. 54. – S. 363–370.
- Škrdla P.** Mladopaleolitické sídelní strategie v krajině: Příklad středního Pomoraví // *Přehled výzkumů*. – 2006. – T. 47. – S. 33–48.
- Škrdla P.** Napajedla (okr. Zlín) // *Přehled výzkumů*. – 2007. – T. 48. – S. 317–321.
- Škrdla P., Nýltová-Fišáková M., Nýlt D.** Gravettské osídlení Napajedelské brány // *Přehled výzkumů*. – 2008. – T. 49. – S. 47–82.
- Valoch K.** Příspěvek k otázce provenience surovin v moravském paleolitu // *Folia Fac. Sci. Nat. Univ. Purk. Brun.* – 1975. – T. 16. – S. 83–87.
- Valoch K.** V záři ohňů nejstarších lovců // *Pravěké dějiny Moravy* / ed. V. Podborský. – Brno: MVS, 1993. – S. 11–70.
- Valoch K.** Le Paléolithique en Tchéquie et en Slovaquie. – Grenoble: Ed. Jérôme Millon, 1996. – 358 p.
- Valoch K.** Das Szeletien Mährens – seine Wurzeln und Beziehungen // *A la recherche de l'Homme préhistorique* / eds. S. Mester, A. Ringer. – Liège: Univ. de Liège, 2000. – P. 287–294. – (ERAUL; N 95).